

Author: Владимир БОНДАРЕНКО

Title: КТО ОН – ЭТОТ ЗИГА?

No: 08 (168)

Date: 18-08-2010

Знакомила меня с Краковом молодая и обаятельная Ядвига Александровна Шимак, филолог, русист, заодно исследователь творчества Ильи Сельвинского и Андрея Белого. В первую очередь Ядвига показала мне изумительные бульвары – краковские планты, Вавельский замок. Говоря о замке, она заодно рассказала мне о неизвестном художнике, который умер, расписывая потолки Вавеля. Звали этого художника и подвижника Зигмунд Валишевский.

Творчеством Зигмунда Валишевского гордится не только Краков, вся Польша. В двадцатые годы ушедшего столетия его имя было символом молодой авангардно-бунтарской художественной Польши. Зигмунд в те годы возглавил борьбу за новое бунтарски авангардное искусство, был в числе организаторов знаменитой группы "Звротница", куда входили Тадеуш Пейпер и Бруно Ясенский.

Талантом Зиги Валишевского хотели прикрыться польские шовинисты, орущие о великом, чисто польском искусстве, стремящиеся всеми силами отгородиться от влияния искусства России.

Но как использовать Валишевского, ежели он более русский, чем поляк, и более грузин, чем опять же – поляк.

В творчестве Зиги Валишевского, одного из радикальных авангардистов России начала XX века, переклестнулись и польские традиции, и грузинская красочность, и русский максимализм. К тому же он с детства обожал искусство Франции, и всеми силами, правдами и неправдами стремился в яркий художественный Париж, где и пробыл около восьми лет, с помощью своего тбилисского друга Ладос Гудиашвили сблизившись с молодыми сюрреалистами, с Пикассо и Модилиани. При этом он, конечно же, не забывал про свою польскую кровь, обожая Краков с его туманами и узкими улочками, живопись Станислава Выспянского, стихи Юлиуса Словацкого. И одновременно страстно любил взбудораженную революционную Россию, которую сам немало и будоражил своими художественными чудачествами. Любил имперскую Россию, в которой вырос, стал художником, получил первое признание.

Зига помнил свой Петербург, город, в котором он родился, помнил Двинск (ныне Дапугавпилс), где он был на военных сборах в 1915 и 1916 годах в составе первого Кавказского стрелкового полка. Там он после боя, во время затишья, зарисовал всех солдат и офицеров своего полка.

Чаще всего в зрелые годы Зигмунд вспоминал о городе своей авангардной юности, о русском Тифлисе, о своём русском Кавказе. Там он учился рисовать, там проходили его первые выставки, там оставались его друзья. Там он бунтовал, задерживался полицией, организовывал газеты и журналы, зарисовывал богемные кабаре, устраивал неформальные выставки.

В Польше Зигмунд Валишевский больше известен как живописец, талантливый пейзажист, мастер света; в России его знали прежде всего как превосходного графика, плакатиста, декоратора, иллюстратора книг. Но чего бы ни касалась рука Зиги (так его звали друзья в России), будь то плакат, театральная декорация, пейзаж или карикатура, прежде всего бросался в глаза его

авангардный романический стиль. Он оставался романтическим преемником Жерико и Делакруа даже тогда, когда работал в кубистической или абстрактной манере, используя технические приёмы всех авангардных течений 20 века.

Зига оставался всю жизнь самим собой – романтиком начала XX века. К своим, и казалось бы с полным правом, его причисляли и парижские последователи Матисса, и краковские авангардисты из "Звротницы", и крутые футуристы из русской тифлисской группы "41 градус" (названа так по проходящей недалеко от Тифлиса параллели). Зигмунд активно участвовал в издании альманахов футуристов этой авангарной группы, оформлял вместе с Ильей Зданевичем один из сборников Алексея Кручёных, написал автопортрет "Зига – молодой футурист", Это приводило к тому, что нередко бойкие газетчики трубили о ещё одном ниспровергателе музеев и старого искусства. Получалось так: очередной журналист причислял Валишевского к осквернителям прошлого, а Зига упорно учился у старых мастеров искусству линии, цвета.

Он свободно владел любой манерой письма: от натурализма до супремата, от экспрессионизма до монументализма, но всегда и везде старался выявлять романтическую сторону в любом художественном течении. Очевидно поэтому его творчество и его самого так любил Константин Паустовский. Разве не романтичен его портрет грузинской красавицы Мелиты Чолокашвили?

Мелиту (Меланию) Тадиевну Чолокашвили (1895-1985), музу Паоло Яшвили, Тициана Табидзе (это ей он посвятил восторженное: "...богиня Мелита... Мадонна... Венок Кахетии...") и Ильи Зданевича, Зига рисовал, будучи в восторге и от её красоты, и от древности её рода. В семье, помимо Мелиты, было ещё четыре сестры (Нина, рано умершая, Дареджан или Даруся, Елена, Анна) и брат Николай. Жили в большом родовом доме в селе Карабулахи. Родовое имение Карабулахи было пожаловано царем Кули-Ханом князьям Чолокашвили в XVII веке. Графический портрет Мелиты и сейчас хранится в фондах Музея искусств Грузии. Вот как описывала его Рене Шмерлинг: "Зрелое блестящее мастерство отличает портрет Мелиты Чолокашвили, исполненный также цветными карандашами. Изящество позы красивой женщины, её выразительное, скульптурное лицо, выхоленная рука, придерживающая на груди полосатый шарф, изображены художником изысканно и элегантно. Портрет М.Чолокашвили мог бы быть сравнен в этом отношении с некоторыми портретами Сорина... если бы не присущие Валишевскому проникновенная зоркая наблюдательность, искание в каждом отдельном случае новых, отвечающих характеру модели средств".

В Батум из Петербурга семья Валишевских переехала в 1903 году вместе с шестилетним Зигой, вскоре они поселились в Тифлисе. Уже в детстве Зигмунд поражал художников своей самобытностью, фантазией красок. В 1912 году пятнадцатилетним юношей он оказался в центре художественной молодёжи Тифлиса. С Зигой Валишевским напрямую связано открытие гениальной живописи Нико Пиросманишвили. Вместе с братьями Зданевичами, персом Фабри, французом Михаилом Ле-Дантю, поэтами Колау Чернявским, Кара-Дервишем, грузинскими художниками Ладом Гудиашвили и Михаилом Чиаурели Зига исследовал духаны Тифлиса в поисках картин Пиросмани. Однажды Валишевский открыл закусочную в глубоком подвале, где висели сейчас широко известные картины Нико Пиросманишвили "Фуникулёр" и "Медведь под луной". Для картин Пиросмани Зига завёл даже отдельную тетрадь. Под влиянием творчества гениального грузина Валишевский стал стремиться к лаконизму композиции, ярким, контрастным цветам, стал писать виды Старого Тифлиса. Он увлёкся поездками по Грузии, забирался даже в Сванетию – в то

время край абсолютно дикий и труднодоступный. У Зигмунда появились друзья – художники и поэты, объединённые любовью к Грузии, к новому искусству.

Зига увлекся карикатурой, плакатом, много экспериментировал, добиваясь редкой выразительности плаката. Места, требовавшие раскраски каким-либо цветом, покрывались им бумагой ярких тонов, вырезанной по форме предмета и наклеенной на картон. Благодаря этому плакаты не теряли красочности и на расстоянии. Сюжеты брал самые разные, поражая фантастичностью рисунка. Удивительны сами названия: "Мой экипаж в Лос-Анжелесе", "Поедающая сердце из какао", "Амазонка Зига". Не забывал Зигмунд и политическую карикатуру. В 1915 году была устроена выставка его плакатов. Выставку заметили. В газете "Кавказ" А.Петроковский писал: "Что талант этого юноши незауряден, об этом достаточно убедительно говорят его плакаты. Такому плакату, как "Пьеретта", место прямо в декоративном музее. Этот плакат заставил вспомнить Тулуз-Лотрека и с первого взгляда мог показаться афишей этого мастера... Прекрасен основной большой плакат, дающий тон всему залу, исполненный несколько в японском жанре, с надписью из Козьмы Пруткова "Бди", заимствованной из "Бродячей собаки". Скажу прямо: ни одна из тифлиских выставок не дала подобного ощущения бодрости и радости для души и глаза, не обнаружила столько живой красоты и солнечности".

В 1917 году Зигмунд Валишевский, Ладо Гудиашвили и Кирилл Зданевич расписали стены "Фантастического кабачка" – таверны поэтов. В этой таверне художники не раз спорили о новом искусстве, о революции, о своём месте в ней. Зиге, как никому другому, подходил лозунг его хорошего знакомого, любимого им поэта Владимира Маяковского: "Улицы – ваши кисти, площади – ваши палитры..."

Стены кабачка поэтов украшали его фантазмагии. Находился "Фантастический кабачок" во дворе дома номер 12 по проспекту Руставели. На этом же проспекте вскоре Зига с товарищами расписал кабачок "Ладья аргонатов". Авангардисты тех лет умело соединяли древнее прошлое и будущее, народные традиции и смелые эксперименты, чего явно не хватает нынешним новаторам. В те годы во главе плеяды молодых художников Тифлиса стояли Ладо Гудиашвили и Кирилл Зданевич. В истории художественной Грузии десятые-двадцатые годы стали периодом поисков новых форм, периодом бунтарства и уличного творчества. Книги после революции почти не издавались из-за отсутствия бумаги. Книги и музеи заменялись литературно-художественными кафе, где собирались революционеры и поэты, художники и мыслители. Так было и в парижской "Ротонде", так было и в петербургской "Бродячей собаке", так было и в Тифлисе.

В расписанных Зигой и его друзьями "Фантастическом кабачке" и "Ладье аргонатов" выступали поэты из группировки "Голубые рога", ныне знаменитые Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, символисты из журнала "АРС", радикально-левые группировки "Синдикат футуристов", "41 градус", "Футурвсеучбище". В "Фантастическом кабачке" Зига участвовал в диспутах о русских и итальянских футуристах, о "лорнете Доди Бурлюка, о театре в тупике Футу на подмостках, о глупых художественниках, кинематографах и миниатюрах, о сценах Маринетти, всякой всячине..."

Зига подружился с переехавшим после революции в Тифлис художником Судейкиным, видным мастером "Мира искусств". Знакомство сказалось на его работах, добавилось хладнокровия его рисункам, изящества, столь присущего творчеству мирискусников. Зигмунд написал серию шаржей на знакомых художников, выпустил книжку-сатиру на поэта Сергея Городецкого. Не последнее место занимает в его рисунках сатира на буржуазное общество .

"Буржуа чинят корону" – так называется один из рисунков Зигмунда 1918 года. В 1919 году Зига Валишевский расписал новый занавес для Грузинского Оперного театра, а затем вместе с группой художников расписал поэтическое кафе "Химериони". На одной из стен "Химериони" Валишевский изображает фантастические портреты друзей, вписанные в медальоны, пишет композиции на тему Грузии. Помещение для кафе нашли в подвальном этаже Руставелевского театра. Задумано было кафе в грандиозных формах. Состоялось десять заседаний тогдашнего Союза писателей, прежде чем нашли название для кафе. Предлагались "Химере", "Химерети", Тициан Табидзе предложил "Химерия". Победило название "Химериони". Слово химере взяли от древнего племени киммерийцев, когда-то заселявших эти места. В росписи стен, кроме самого Зиги, принимали участие Сергей Судейкин, Давид Какабадзе, Кирилл Зданевич. Тициан Табидзе в 1921 году написал очерк "Кафе Химериони": "Наверно, во всём мире не сыскать кафе, расписанного с таким вдохновением. Многие превосходные художники восхищались нашим кафе".

Говорят, живопись была изумительной. Когда я недавно был в сегодняшнем Тбилиси, тщетно искал следы буйной живописи Зиги Валишевского. Сейчас эти стены бывшего "Химериони" закрашены монотонной серой краской. Увидят ли они когда-нибудь своё второе рождение? Хотелось бы. Правда, нынешним властям Тбилиси явно не нравится мощное влияние русской литературы и русской живописи на своих грузинских братьев, не нравится их совместная деятельность. Но как отделить Зигу Валишевского от знакомого мне чудесного художника Ладго Гудиашвили? Как отделить живопись Нико Пиросмани от тех русских поэтов и художников, которые открыли замечательного грузинского мастера?

Впрочем, и в России история наших литературных кафе осталась не написанной. Восстанавливать её пока никто не собирается. Но остались же эскизы росписей, фотографии, воспоминания. В Кракове берегут знаменитую "Яму Михалика", где любил засиживаться Зигмунд Валишевский, в Петербурге, к счастью, восстановили "Бродячую собаку", но так и не пожелали сделать её поэтическим, творческим центром. И все же, я бы посоветовал весомым художникам и писателям Грузии добиться восстановления кафе "Химериони" в Тбилиси, сыгравшего столь важную роль в искусстве Грузии. А в России я мечтаю об открытии кафе-клуба "Балаганчик" во Владивостоке, где впервые на Дальнем Востоке была прочитана поэма Маяковского "150 000 000" его другом Сергеем Третьяковым, где выступали поэт Николай Асеев и ученик Родена скульптор Иннокентий Жуков, Давид Бурлюк и Александр Ярославский. Я восстановил бы "КАФЕ ПОЭТОВ" в Ростове, где впервые в мире была поставлена пьеса Велимира Хлебникова, и во второй, кажется, до сих пор и последний раз игралась пьеса Маяковского "Владимир Маяковский". Пьесой Хлебникова начался театральный дебют нашего знаменитого сказочника Евгения Шварца. Называлась пьеса "Ошибка смерти", декорации рисовал ныне знаменитый авангардист из Харькова Мане КАЦ.

В начале двадцатых годов, в период всероссийского устного творчества, такие клубы-кафе, расписанные лучшими художниками страны, были в Москве и Петрограде, Харькове и Одессе, в Чите и Владивостоке, в Риге и Таллине. Не забудем про русские Шанхай и Харбин, про русский Берлин и русский Париж, русскую Прагу и русскую Венецию.

Они вошли в историю нашего искусства, в историю страны. Наша обязанность – восстановить эту историю. Тем более, часто эти кафе играли важную роль не только в искусстве и литературе, но

и в политической жизни того времени.

В пока ещё не написанной истории литературных кафе, как и в целом истории русского авангарда начала XX века, весомое место занимает польский художник Зигмунд Валишевский. В 1921 году Зигмунд Валишевский уехал из меньшевистского Тифлиса сначала в Константинополь, а затем в Краков, где поступил в Краковскую Академию Художеств, учился у Войцеха Вейсса и Йозефа Панкиевича.

В Кракове он со своим опытом бурной российско-грузинской литературно-художественной жизни, с опытом организации журналов, литературных кафе, художественных группировок сразу же оказался в центре художественной жизни. Его огромный талант выдвинул его в лидеры молодой художественной Польши. По вечерам с новыми друзьями в кафе поэтов "Яма Михалика" Зига, уже ставший Зигмундом, спорит о развитии польской живописи, о политике Польши, о роли искусства в жизни. В 1923 году он уезжает в Париж – там он любил копировать картины старых мастеров. На его творчество сильно повлияли картины старых венецианцев, особенно Веронезе.

Рисует пейзажи, натюрморты и портреты ("Дон Кихот", 1934-35). Возвращается из Парижа уже тяжело больным в 1931 году. Разрисовывает плафон в костеле Стопче на Вавеле.

Умер Зигмунд в 1936 году в Кракове. Было ему всего тридцать девять лет.

По местам его боевой славы в Кракове меня водила Ядвига Шимак. По Тбилиси, вернее по старому Тифлису, меня водил писатель Гурам Панджикадзе и его друзья, грузинские художники. Я бывал в парижских кафе, облюбованных Зигой. И никуда не уйти от его русской родины – Петербурга.

Сейчас его работы выставлены во многих музеях Польши. Его имя стало одним из символов художественного Кракова. О нём в Польше пишут толстые монографии. Ядвига Александровна Шимак подарила мне одну из них, с просьбой написать ей, хотя бы кратко, о русском периоде творчества Зигмунда Валишевского. Что я и попробовал выполнить. Яркая судьба, яркий талант.

И кто он – этот Зига – поляк, петербуржец, тифлисец, парижанин? Всё, наиболее интересное, он сам написал на русском языке.